

ОБСУЖДАЕМ, СПОРИМ...

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-31-35

О классификации памятников словесности и их месте в системе филологического знания**Алексей Михайлович Белов***Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
e-mail: indogermanica@yandex.ru*

Обновление системы филологического знания затрагивает принципиально важную для общей филологии проблему классификации типов текстов (или видов речи). В статье высказываются аргументы в пользу возрождения (на современном научном уровне) старинной трехчастной системы словесности (*грамматика – диалектика – риторика и поэтика*) и предлагается проект новой классификации, основанной на понимании текста как логоса и учитывающей ряд принципиальных различий в способах его порождения.

Ключевые слова: *общая филология; устная словесность; письменная словесность; грамматика; риторика; диалектика; Ю.В. Рождественский; фактура речи; логос; текст и речь; спонтанная/ неспонтанная речь*

Ссылка для цитирования: *Белов А.М. О классификации памятников словесности и их месте в системе филологического знания // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 4. – С. 31–35. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-4-31-35.*

On the Classification of Speech and Text Forms and Their Place in the System of Philology**Alexius M. Belov***Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
e-mail: indogermanica@yandex.ru*

The problem of classifying types of text (or types of speech) is of fundamental importance for the general philology as a whole, especially in the context of its renewal, using modern terms and approaches. In this paper, I argue for reviving (at the modern level of knowledge) the old three-part system of humanities (*grammar – dialectics – rhetoric and poetics*), firstly proposed in the Stoic school, and I try to sketch a draft of a new classification regarding text as *logos* and taking into account several fundamental differences in the process of its generation.

Keywords: *general philology; oral literature; written literature; grammar; rhetoric; dialectics; Yu.V. Rozhdestvensky; speech texture; logos; text and speech; spontaneous / non-spontaneous speech*

A reference for citation: *Belov A.M. On the Classification of Speech and Text Forms and Their Place in the System of Philology. In Russkii yazyk v shkole [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No. 4, pp. 31–35. DOI: 10.30515 / 0131-6141-2019-80-4-31-35.*

Любой общий курс словесности, в особенности курс для начинающих типа «Основы филологии», неизбежно затрагивает сложнейшую проблему классификации типов текста (или, что почти то же самое, видов речи). При этом сама классификация существенно будет зависеть от теоретических установок и видения всей системы филологического знания, из которого исходит тот или иной исследователь данного вопроса.

Самая известная и широко признанная в филологической среде классификация

памятников словесности принадлежит проф. Ю.В. Рождественскому. В ее основе лежит сформулированное им понятие «фактуры речи», которое можно понимать как отношение текста к его материальному носителю¹.

Ю.В. Рождественский выделяет [1996: 21] четыре фактуры речи: *устную, письменную,*

¹ См.: [Рождественский 2003, гл. III, § 5], где под фактурой речи понимается «отношение между материалами речи и орудиями речи, данными в речевом произведении».

печатную и массовую коммуникацию. В более поздней работе [Рождественский & Блинов 2005: 25–26] говорится об *устной, письменной и устно-письменной словесности*; при этом подчеркивается, что «род словесности определяется фактурой речи» [Там же: 27].

Устная словесность делится на *дописменную* (диалог, молва, фольклор) и *литературную*, внутри которой выделяются: а) *ораторика* (судебная, совещательная и показательная речь); б) *гомилетика* (проповедь, учебная речь, пропагандистская речь), которая отличается от ораторики многократностью выступлений перед одной и той же аудиторией в пределах одной большой темы; в) *сценическая речь*.

Письменная словесность состоит из *эпиграфики* (надписи на твердых предметах), *сфрагистики* (печати), *нумизматики* (монеты), а также *палео- и неографии* (древние и новые тексты на «мягких» носителях), куда входят *личные письма, документы и литература*; в рамках последней — особенно со времен появления печатного слова — Ю.В. Рождественский выделяет литературу *художественную, научную и журналистику*.

Последняя, смыкаясь с *пропагандой*, дает (уже в нашу эпоху) устно-письменную массовую коммуникацию, куда относятся: а) *массовая информация* (радио, кино, ТВ, пресса); б) *реклама*; в) *информатика*.

Классификация Ю.В. Рождественского удобна, когда речь идет о родах и видах словесности, выделенных именно на основе ее памятников. В этом смысле такая классификация — при всей ее глубокой оригинальности — имеет традиционный, можно сказать «источниковедческий», фундамент, поскольку филология в ней (косвенно) понимается как наука о памятниках словесности.

По мнению Ю.В. Рождественского, предметом филологии является «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 113]. При этом даже язык как предмет языкознания понимается им как «то общее,

что соединяет все роды, виды и разновидности словесности» [Рождественский & Блинов 2005: 37].

Если же мы понимаем предмет филологии как-то иначе, то и классификация текстов (видов словесности, речевых жанров и т.п.) также должна претерпеть определенные изменения, сообразные с исходными положениями требуемой теории. Однако особенно остро эта необходимость возникает тогда, когда лектор вынужден прочитать максимально общий курс перед аудиторией начинающих.

Основная задача настоящей статьи — попытка построения такой общей классификации типов текстов, которая учитывала бы не только способность текста к отражению в памятнике словесности (как это более всего хотелось видеть проф. Рождественскому), но и той его стороны, которую греческие философы называли λόγος.

Под этим словом (если несколько модернизировать терминологию) обыкновенно понимался некий идеальный объект, который существует как бы независимо от формы его написания или прочтения; можно сказать, что речь идет *о тексте как информации*, реализующемся в максимально всеобщих языковых (формальных и смысловых) единицах. Такой текст *не является объектом материальным* и может быть без каких-либо потерь воспроизведен сколько угодно раз, создавая бесконечное множество «экспонатов»; напротив, каждый из таких «экспонатов» является объектом *уникальным* и потому как-то увязанным с некой *материальной формой*, повторить которую в точности затруднительно или просто невозможно². Каждый из них мы

² Строго говоря, эта проблема не решается современными техническими достижениями, позволяющими совершенно точно воспроизвести чью-то уникальную речь, произнесенную там-то и тогда-то. Дело в том, что никакая звукозапись или факсимиле не отменяет того факта, что материальная форма во втором случае имеет несравнимо большее значение, чем в первом, а технологически воспроизводя эту форму, мы лишь позволяем уникальности быть наблюдаемой вновь, но не отменяем этим уникальность как таковую.

будем считать (вне зависимости от его «ценности»³) отдельным *памятником словесности*, тогда как сама способность текста-логоса реализовываться в виде таких памятников обыкновенно (более или менее строго) называется *речью*, которая самым традиционным образом разделяется по каналу передачи информации на устную и письменную. Различные совокупности памятников словесности дают роды и виды словесности, классификацию которых различные ученые предлагали делать по-разному⁴.

Если бы мы захотели в современных терминах возродить глубокую и стройную систему трехчастного филологического знания, то могли бы сказать, что логосом как языковой способностью человека, направленной на *порождение текста* вообще и различного рода текстов, занимается диалектика (сюда бы входил бы синтаксис, синтаксическая семантика, элементы логики, теория дискурса, теория речевых жанров и т.д.). Этот раздел филологии изучает как бы логос в действии: то, каким образом всякий раз порождается тот или иной текст, начиная от простого предложения и заканчивая некоторыми устными жанрами, имеющими воспроизводимую логическую структуру (сказка, миф, анекдот и т.п.).

Соответственно, грамматикой была бы наука о языковых единицах, служащих строительным материалом для диалектики: сюда бы вошла почти вся наука о языке, за исключением тех ее отделов, которые имеют дело с бесконечными и потому требующими порождения единицами — словосочетаниями,

предложениями, клаузами: они отошли бы к диалектике.

Наконец, риторика (в этом смысле слова) была бы наукой, изучающей уже «готовые» логосы — логосы (в духе терминологии В. фон Гумбольдта) не как *ἐνέργεια*, а как *ἔργον*. Сюда бы вошла значительная часть современной филологии (в узком смысле: текстологии, критики текста, поэтики, стиховедения и т.д.), литературоведения, а также целый ряд вспомогательных дисциплин. Главным предметом такой науки был бы логос в письменной речи, поскольку именно она обеспечивает сохранность логоса, превращая его из *ἐνέργεια* в *ἔργον*, т.е. готовый, оформленный и законченный текст.

Учет оппозиции *ἐνέργεια* : *ἔργον* предполагает включение в логическую основу классификации двух главных признаков, лежащих в основе различия видов речи (и, соответственно, памятников словесности).

Примем, что речь может быть: 1) *устной* и *письменной*; 2) *спонтанной* (т.е. производимой без подготовки) и *неспонтанной* (в основе которой лежит некая существующая или заранее подготовленная форма). Вполне очевидно, что устная речь бывает чаще всего спонтанной, а неспонтанная речь почти всегда бывает письменной — но в редких случаях мы сталкиваемся с неспонтанной устной речью (например, в фольклоре) и со спонтанной письменной речью (например, при обсуждении чего-то на странице в Интернете, различных «чатах» и т.п.). Получается примерно такая схема:

Речь	Спонтанная	Неспонтанная
Устная	1) <i>Высказывание</i> ; 2) <i>монолог</i> ; 3) <i>диалог</i>	1) <i>Традиционная</i> (устная); а) воспроизводящая <i>смысл</i> (<i>мифы, предания, волшебные сказки</i>); б) воспроизводящая <i>форму</i> , т.е. оформленная в традиции как текст (<i>народные песни, эпос</i> и т.д.); 2) <i>авторская</i> (фактически — устно-письменная): а) <i>собственного</i> авторства; б) <i>чужого</i> авторства

³ О «ценности» того или иного памятника как важного критерия отбора неоднократно говорил проф. Рождественский. Однако важно понимать, что не имеющий особой ценности в одну эпоху памятник может оказаться значимым в другую.

⁴ См., например: [Зелинский 1902], где филология (= классическая филология = *Alttertums-wissenschaft*) понимается максимально широко, вплоть до включения в число памятников филологии географических и т.п. объектов.

Речь	Спонтанная	Неспонтанная
Письменная	1) <i>Высказывание</i> и 2) <i>монолог</i> в надписях на партах и заборах, на полях книг и т.д.; 3) <i>диалог</i> (в интернет- и SMS-общении, обмен записками и т.д.)	• Классификация по <i>функциям</i>; • классификация (памятников) по типу материальных <i>носителей</i> (см. ниже)

Первичной ко всем формам следует, по-видимому, считать спонтанную устную речь. Вторичность письменных форм речи по отношению к устным не подлежит обсуждению.

В спонтанной устной речи выделим три основные формы: *высказывание*, которое не обязательно предполагает слушателя; *монолог* — одно или несколько высказываний, предполагающих наличие слушателя и его пассивное участие; *диалог* — активное участие слушателя, позволяющее меняться ролями.

Те же самые качества мы можем обнаружить и в спонтанной письменной речи, находящейся обычно на периферии научного внимания. Тем не менее такая речь существует: к *высказываниям* или *монологам* (в зависимости от замысла их автора) можно отнести «тексты» на стенах подъезда, комментарии на странице обсуждения в Интернете и т.д.⁵

К диалогам отнесем различные спонтанные формы интернет- и SMS-общения, обмен частными записками во время публичного мероприятия и другие маргинальные явления, которые всё больше входят в нашу жизнь.

Сложнее с неспонтанной устной речью, где следует различать две важнейшие возможности. Во всех случаях воспроизводимая речь имеет какой-то текстовый прототип, но в одних случаях он традиционен (и потому может сильно меняться), а в других случаях он имеет конкретного автора, чье влияние сильно ограничивает возможности вариаций или запрещает их вовсе.

При этом в *традиционном* случае могут воспроизводиться некие (фактически) готовые тексты — такие, как народные песни, некоторые виды сказок и т.п. Они,

хотя и меняются при воспроизведении, но не настолько, чтобы мы могли говорить о существенно разных текстах, лежащих в основе этих вариантов. С другой стороны, в случае мифов, религиозных преданий, басен, волшебных сказок и т.д. может передаваться не сам текст как таковой, а лишь его *форма*, т.е. некая логико-структурная модель (в духе В.Я. Проппа), по которой новый текст строится каждый раз заново. Сюда же можно отнести *молву* в понимании Ю.В. Рождественского — как передачу некоей информации по цепочке.

Говоря об *авторских* текстах, мы имеем право различать случаи *собственного* авторства и случаи *чужого* авторства. Это важно потому, что, воспроизводя устно собственные заранее заготовленные тексты, мы относимся к ним по-хозяйски, позволяя себе довольно значительную импровизацию, нежели когда цитируем известное стихотворение или когда актеры на сцене произносят написанные драматургом речи. Во всех случаях мы (при желании) можем говорить об *устно-письменной* форме (фактуре) речи, однако понятно, что во втором случае близость устной речи к письменной может быть большей, чем в первом. Что же касается жанров таких речей, то они фактически полностью будут совпадать с письменными. Важное место здесь будут занимать выделенные Ю.В. Рождественским и уже упомянутые выше *ораторика* и *гомилетика*: например, произнесение заранее подготовленных речей или курсов лекций.

Наконец, скажем и о неспонтанной письменной речи, которая оказывается обычно в центре филологического внимания.

Здесь речь идет о двух известных классификациях: *по типу материального носителя*, которую широко применяют историки и источниковеды, а также *по функциональным особенностям*, более интересной для филологов.

Классификация *по типу* материальных носителей как более относящаяся к памят-

⁵ Акад. Д.С. Лихачёв неоднократно указывал на значимость таких текстов, как замечания и жалобы на полях рукописи, произвольно или непроизвольно сделанные писцами.

никам (а не просто текстам или логосам) не нуждается в каких-либо существенных изменениях. Сюда будут относиться эпиграфика, палеография, типографика (= неография Ю.В. Рождественского), сфрагистика и многие другие дисциплины. Логика в их разделении может быть самая разная.

С точки зрения *функций* текстов говорят обычно о *документах*, *эпистолах* (*письмах*) и *сочинениях*. Различие между этими классами настолько велико, что можно предложить самые разные основания для разделения.

Можно, например, сказать, что сочинения и эпистолы являются принципиально *авторскими* текстами: читая их, мы всегда как будто общаемся с тем, кто их написал, — даже если не знаем, кто автор. Документы, напротив, мыслятся принципиально не авторскими (и оттого они, как правило, имеют некий формуляр) — даже при том, что составитель того или иного документа нам может быть известен (например, какой-нибудь президент или император). При этом эпистолы строятся на *диалоге* (явном или неявном), будучи сами ответом на что-то и/или предполагая ответное письмо в будущем, тогда как сочинениям такое качество (диалог в обычном — не постмодернистском — смысле) обычно не свойственно.

Из сочинений складывается *литература*, внутри которой обычно выделяют *художественную*, *научную* и *публицистическую*. Внутри каждой из них выделяются жанры, логические основания для которых могут быть различны.

Предполагается, что классификация тако-го или подобного рода, нисколько не отменяя

традиционную схему Ю.В. Рождественского, может оказаться полезной для тех филологических теорий, в которых важное место уделяется проблеме порождения текстов, т.е. возрождающих старинное понимание диалектики или действующих в новой парадигме «наук о дискурсе». Впрочем, проблема эта безмерно сложна, и все сказанное здесь должно считать лишь первыми шагами приближения к ней.

ЛИТЕРАТУРА

Зелинский Ф.Ф. Филология // ЭБСЕ. — Т. 35А (70), s.v. — СПб., 1902.

Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990.

Рождественский Ю.В. Общая филология. — М., 1996.

Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. — М., 2003.

Рождественский Ю. В., Блинов А.В. Введение в языкознание. — М., 2005.

REFERENCES

Zelinskii F.F. Filologiya [Philology]. In *EBSE*, vol. 35A (70), s.v. Sankt-Petersburg, 1902.

Rozhdestvenskii Yu.V. Lektsii po obshchemu yazykoznaniiu [Lectures on general linguistics]. Moscow, 1990. (In Rus.)

Rozhdestvenskii Yu.V. Obshchaya filologiya [General philology]. Moscow, 1996. (In Rus.)

Rozhdestvenskii Yu.V. Printsipy sovremennoi ritoriki [Principles of modern rhetoric]. Moscow, 2003. (In Rus.)

Rozhdestvenskii Yu.V., Blinov A.V. Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics]. Moscow, 2005. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей Михайлович Белов, доктор филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Ленинские горы, д. 1, стр. 51, г. Москва, 119991, Россия

Alexius M. Belov, Doct. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Chair of General and Comparative-Historical Linguistics, Department of Philology, Lomonosov Moscow State University; 1/51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia